
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476.5-21):347.471(091)

«ВЫСОЧАЙШИЙ ПЛАЦ» ИЛИ «ГОРОДСКОЙ БУЛЬВАР»? СТАТИСТИКА, ПАМЯТЬ И ЛИЧНЫЕ СЧЕТЫ В КОНФЛИКТЕ ВОКРУГ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛОЦКА (1830-е гг. – 1908 г.)

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе применения микроисторического подхода и анализа архивных материалов исследуется многолетняя борьба (1830-е гг. – 1908 г.) между Полоцким кадетским корпусом и городским обществом за контроль над центральной площадью. Показывается, как в этом частном казусе преломились ключевые противоречия имперской России рубежа XIX–XX вв. Реконструируются 5 фаз противостояния – от локальных столкновений до рассмотрения в высших органах власти (Сенат, Государственный совет), что отражает эволюцию управленческих механизмов от монаршего диктата до бюрократического арбитража. Особое внимание уделяется двум аспектам, определившим остроту конфликта: 1) его глубокой персонализации через фигуры директора корпуса генерала А. П. Тыртова и городского головы Н. В. Литвинова, чьи личные мотивы и карьерные траектории стали катализатором эскалации конфликта; 2) дискурсивной борьбе (конструируемые корпусом угрозы нравственного разложения, санитарной опасности, осквернения символа воинской славы, демографического захвата и образ осажденной крепости противопоставлялись правовым

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. «Высочайший плац» или «городской бульвар»? Статистика, память и личные счеты в конфликте вокруг публичного пространства Полоцка (1830-е гг. – 1908 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:5–21.
EDN: CABXNO

For citation:

Lukashevich AM. «The highest parade ground» or «city boulevard»? Statistics, memory, and personal vendettas in the conflict over public space of Polotsk (1830th – 1908). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:5–21. Russian.
EDN: CABXNO

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

и хозяйственным аргументам городского самоуправления). Делается вывод о том, что спор о плаце был не просто имущественным конфликтом, а столкновением принципиально разных моделей публичного пространства – закрытого военно-дисциплинарного и открытого общегородского.

Ключевые слова: Полоцкий кадетский корпус; городское самоуправление; публичное пространство; локальный конфликт; Н. В. Литвинов; А. П. Тыртов; дискурс; историческая память; Российская империя; Витебская губерния.

«НАЙВЫШЭЙШЫ ПЛЯЦ» ЦІ «ГАРАДСКІ БУЛЬВАР»? СТАТЫСТЫКА, ПАМЯЦЬ І АСАБІСТЫЯ РАХУНКІ Ў КАНФЛІКЦЕ ВАКОЛ ПУБЛІЧНАЙ ПРАСТОРЫ ПОЛАЦКА (1830-я гг. – 1908 г.)

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. На аснове прымянення мікрагістарычнага падыходу і аналізу архіўных матэрыялаў даследуецца шматгадовая барацьба (1830-я гг. – 1908 г.) паміж Полацкім кадэцкім корпусам і гарадскім грамадствам за кантроль над цэнтральнай плошчай. Паказваецца, як у гэтым прыватным казусе пераламіліся ключавыя супярэчнасці імперскай Расіі мяжы XIX–XX стст. Рэканструююцца 5 фаз супрацьстаяння – ад лакальных сутыкненняў да разгляду ў вышэйшых органах улады (Сенат, Дзяржаўная рада), што адлюстроўвае эвалюцыю кіраўніцкіх механізмаў ад манаршага дыктату да бюракратычнага арбітражу. Адмысловая ўвага надаецца двум аспектам, якія вызначылі вастрэбнасць канфлікту: 1) яго глыбокай персаналізацыі праз постаці дырэктара корпуса генерала А. П. Тыртова і гарадскога галавы М. В. Літвінава, чые асабістыя матывы і кар’ерныя траекторыі сталі каталізатарам эскалацыі канфлікту; 2) дыскурсіўнай барацьбе (пагрозы маральнага разлажэння, санітарнай небяспекі, апаганьвання сімвала воінскай славы, дэмаграфічнага захопу і вобраз абложанай крэпасці, якія канструяваліся корпусам, супрацьпастаўляліся прававым і гаспадарчым аргументам гарадскога самакіравання). Робіцца выснова аб тым, што спрэчка пра пляц была не проста маёмасным канфліктам, а сутыкненнем прынцыпова розных мадэляў публічнай прасторы – закрытай ваенна-дысцыплінарнай і адкрытай агульнагарадской.

Ключавыя словы: Полацкі кадэцкі корпус; гарадское самакіраванне; публічная прастора; лакальны канфлікт; М. В. Літвінаў; А. П. Тыртаў; дыскурс; гістарычная памяць; Расійская імперыя; Віцебская губерня.

«THE HIGHEST PARADE GROUND» OR «CITY BOULEVARD»? STATISTICS, MEMORY, AND PERSONAL VENDETTAS IN THE CONFLICT OVER PUBLIC SPACE OF POLOTSK (1830th – 1908)

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Using a microhistorical approach and an analysis of archival materials, this article examines the long-term struggle (1830th – 1908) between the Polotsk Cadet Corps and the city community for control of the central square. It shows how this particular incident reflected the key contradictions of imperial Russia at the turn of the 20th centuries. Five phases of the confrontation are reconstructed – from local clashes to consideration by the highest authorities (the Senate, the State Council), reflecting the evolution of governance mechanisms from monarchical dictate to bureaucratic arbitration. Particular attention is paid to two aspects that determined the severity of the conflict: 1) its deep personalisation through the figures of the corps director, General A. P. Tyrto, and the mayor N. V. Litvinov, whose personal motives and career trajectories became the catalyst for the escalation of the conflict; 2) the discursive struggle (the threats of moral decay, sanitary danger, desecration of the symbol of military glory, demographic takeover, and the image of a besieged fortress, constructed by the corps, were contrasted with the legal and economic arguments of city self-government). It is concluded that the dispute over the parade ground was not simply a property conflict, but a clash of fundamentally different models of public space – a closed military-disciplinary one and an open city-wide one.

Keywords: Polotsk Cadet Corps; city self-government; public space; local conflict; N. V. Litvinov; A. P. Tyrto; discourse; historical memory; Russian Empire; Vitebsk province.

Введение

Локальные имущественные и территориальные конфликты в городах Российской империи долгое время оставались на периферии исторического интереса, рассматриваясь как малозначительные «бытовые» споры. Однако именно такие казусы, как многолетнее противостояние вокруг плаца Полоцкого кадетского корпуса, служат идеальным объектом для применения методологии микроистории. Данная методология позволяет через «увеличительное стекло» конкретного случая выявить общие механизмы функционирования государственной системы Российской империи. На этом материале можно проследить взаимодействие центра и местных сообществ, а также увидеть, как макропроцессы – реформы, рост общественной активности – преломлялись в повседневной жизни и находили выражение в языке конфликта.

История Полоцкого кадетского корпуса привлекала внимание исследователей, однако изучалась она преимущественно в институциональном и персонализированном ключе. Так, работы В. И. Шайкова, А. М. Лукашевича, А. Л. Самовича и С. И. Полякова были посвящены подготовке офицерских кадров и судьбам воспитанников учебного заведения [1–3]. История самого здания – бывшего иезуитского комплекса – рассматривалась в исследованиях В. С. Филипенко, Е. В. Глазырина, А. А. Соловьёва [4]. В новейших публикациях А. М. Лукашевича детально анализируются кадровый состав корпуса, его преобразование в военную гимназию, а также судьба заведения в период войн [5–8].

Несмотря на эти публикации, локальный конфликт между Полоцким кадетским корпусом и городским обществом вокруг плаца не становился предметом специального научного исследования и в существующих работах лишь изредка упоминался. До настоящего времени остаются нераскрытыми его внутренняя динамика, мотивация сторон, дискурсивные аспекты¹ и место в системе отношений центр – периферия. В связи с этим в данной статье предлагается целостная реконструкция данного конфликта как многопланового процесса с помощью

методов институциональной истории, исторической антропологии и истории повседневности.

Целью настоящей работы является многоуровневая реконструкция конфликта за плац между Полоцким кадетским корпусом и городским обществом в 1830-х гг. – 1908 г., включая его эволюцию, мотивационную структуру и механизмы разрешения. Для достижения этой цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач:

1) реконструировать на основе впервые привлекаемых архивных материалов полную административно-правовую хронологию конфликта, выявив все инстанции, задействованные в нем, и этапы противостояния – от бытовых стычек и рассмотрения в мировом суде до разбирательств в высших органах империи (Сенат, Государственный совет);

2) проанализировать аргументацию и тактики сторон (особенно в 1870–80-х гг.) и на основе архивной переписки раскрыть повседневную фактуру противостояния, выявив его социальные, санитарные и культурные аспекты;

3) исследовать персональное измерение конфликта через анализ биографий и ролей двух его центральных фигур – директора корпуса генерала А. П. Тыртова и городского головы Н. В. Литвинова, чтобы показать, как их личный опыт, карьерные траектории и мировоззрение определяли линию поведения и эскалацию противостояния;

4) осуществить критический дискурс-анализ ключевого документа – рапорта директора А. П. Тыртова, привлекая для верификации официальную статистику, чтобы выявить манипулятивные риторические приемы, использовавшиеся для конструирования образа враждебного «другого» и легитимации силовых решений;

5) определить место и значение этого локального конфликта в более широких контекстах: в контекстах правительственной политики в белорусском крае, эволюции городского самоуправления и трансформации публичной сферы в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Материалы и методы исследования

В работе применяется комплекс методов, соответствующий многоуровневому характеру изучаемого конфликта. Источниковедческий анализ направлен на критическую оценку всего корпуса документов, установление их генезиса, достоверности, тенденциозности и взаимодополняемости. В рамках этого анализа особое внимание уделяется официальным рапортам, язык которых рассматри-

вается как источник для изучения истории повседневности и социальных представлений.

На этой источниковой базе строится методологическая основа исследования, которая представляет собой синтез подходов исторической антропологии (реконструкция мотиваций, повседневных действий и систем ценностей участников), микроистории (глубокий анализ единичного случая как «увеличительного

¹Под «дискурсивной борьбой» в настоящей статье понимается противостояние риторических практик сторон – военного ведомства и городского самоуправления, каждая из которых стремилась представить свою позицию как легитимную и соответствующую государственным интересам.

стекла» для больших процессов) и институциональной истории (анализ структур и логики действия государственных органов).

В рамках данной комплексной методологической основы применяются два ключевых аналитических инструмента:

1) биографический метод, который используется для глубокого погружения в мотивацию главных действующих лиц и понимания связи между личным опытом и публичными действиями;

2) дискурс-анализ, который применяется для исследования текстов официальных рапортов, жалоб и труда В. П. Викентьева. Этот метод, разработанный в рамках критического изучения языка [9], позволяет выявить, как в дискурсе конструируется особая картина реальности. В частности, в настоящей статье анализируются ключевые понятия и метафоры («пиявки», «табор», «господствующий класс») в целях изучения риторических приемов, которые используются для убеждения аудитории, а также процесса конструирования противопоставления между своими (корпус, государство, «русское общество») и чужими (городское население, особенно еврейское). Такой анализ показывает, что язык в этом конфликте был не просто средством описания фактов, а инструментом социальной изоляции и обоснования силовых решений, направленных на утверждение доминирования одной группы над другой.

Наконец, сравнительно-исторический метод позволяет проследить трансформацию конфликта во времени, соотнести его с общими процессами (реформы 1860–70-х гг. и их влияние на расширение городского самоуправления, революция 1905–1907 гг.), а также сопоставить стратегии и модели поведения вовлеченных сторон (военного ведомства, городского самоуправления, центральных и высших органов власти).

Исследование опирается на несколько взаимодействующих комплексов источников. Первую группу составляет ведомственный нарратив – юбилейный труд офицера-воспитателя В. П. Викентьева (1910)². Его исторический очерк является официальной историей корпуса, в которой последовательно отстаивается ведомственная позиция. Это обстоятельство

делает данную работу ценным, но крайне тенденциозным источником, требующим критического прочтения.

Вторую, ключевую группу образуют архивные материалы из фонда Полоцкого кадетского корпуса (фонд 2613) Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). Центральное место занимает дело 35, которое содержит уникальную подборку документов, созданных в ходе полемики между дирекцией корпуса и Полоцкой городской управой³ (1872–1887). Оно включает пространный рапорт генерала А. П. Тыртова от 6 марта 1886 г., где все претензии корпуса к городскому обществу сведены в единую систему⁴. Здесь же хранятся отношение Полоцкой городской управы от 18 февраля 1886 г., в котором излагаются правовые аргументы городского самоуправления⁵, обязательное постановление полоцкого полицмейстера А. П. Радзеевского (1884)⁶ и постановление городской думы (20 ноября 1886 г.)⁷. Завершают дело материалы судебного разбирательства 1886 г., фиксирующие временную победу городского самоуправления⁸. Эти документы с исключительной яркостью раскрывают накал страстей, повседневную фактуру конфликта и его социальный контекст.

В качестве вспомогательных привлекались смежные материалы из НИАБ, в которых отражаются детали перестройки в 1830-х гг. комплекса зданий Полоцкого кадетского корпуса и обустройства городской площади под военный плац⁹, а также возведение монумента в память о событиях 1812 г.¹⁰

Третью, наиболее репрезентативную группу источников составили дела центральных и высших органов власти из Российского государственного исторического архива (РГИА), позволившие вывести исследование на общеимперский уровень. К ним относятся дело Синода (1838) о закреплении Николаевского собора за Полоцким кадетским корпусом¹¹; дело Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (МВД) (1860–1867) о пересмотре статуса корпусной земли¹²; дело Первого департамента Сената (1887), возбужденное по жалобе директора корпуса¹³; материалы Министерства юстиции (1901)¹⁴ и Хозяйственного департамента МВД (1904)¹⁵ о признании прав собственности,

²Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус : ист. очерк 75-летия его существования. Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1910. 396, [XLIII] с.

³НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35.

⁴Там же. Л. 13–15 об.

⁵Там же. Л. 16.

⁶Там же.

⁷Там же. Л. 25.

⁸Там же. Л. 17–31.

⁹Там же. Д. 4 ; Там же. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9131.

¹⁰Там же. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 16594.

¹¹РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 410.

¹²Там же. Ф. 1287. Оп. 32. Д. 345.

¹³Там же. Ф. 1341. Оп. 154. Д. 1047.

¹⁴Там же. Ф. 1405. Оп. 102. Д. 8650.

¹⁵Там же. Ф. 1287. Оп. 28. Д. 555.

а также дела Государственного совета¹⁶ и Синода¹⁷ (1908) о финансовом и церковном завершении конфликта. Совокупность этих материалов позволяет рассматривать частный конфликт не как исключение, а как показательный случай, раскрывающий общие механизмы государственного управления и судопроизводства.

Четвертую группу составляют вспомогательные источники: мемуары кадета, впоследствии генерала, Ф. А. Григорьева (1850–1926), проливающие свет на скандал, связанный с Н. В. Литвиновым [10]; документы об имущественном положении и служебной деятельности братьев Николая и Алексея Литвино-

вых из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), РГИА и НИАБ¹⁸; официальные статистические справочники, служащие для верификации данных из рапортов¹⁹. Их дополняют графические материалы – план городской площади и корпусного плаца 1830-х гг., составленный преподавателем учебного заведения А. К. Морелем в 1890 г. на основании исторических изысканий [11], и фотографии 1880–1914 гг., которые выступают визуальными свидетельствами внешнего вида и способа использования спорного пространства. В целом эти источники позволяют реконструировать конкретную городскую среду и локализовать в ней объекты спора.

Результаты и их обсуждение

Проектирование и закрепление «высочайшего плаца» (1830–40-е гг.). Полоцкий кадетский корпус (рис. 1), учрежденный в 1835 г. для белорусских и других губерний Российской империи (решение о его создании было принято в 1830 г.), с самого начала выполнял не только учебную, но и важную политическую функцию. Его размещение в стенах бывшего Полоцкого иезуитского коллегиума, ставшего позднее академией (1812–1820), было глубоко

символичным жестом, поскольку эти здания являлись одним из главных центров католического образования в регионе. В Санкт-Петербурге это воспринималось как возвращение исторически русских земель из-под чуждого влияния. Однако формирование комплекса зданий корпуса было не просто символической акцией: оно напрямую затрагивало имущественные, территориальные и конфессиональные интересы полоцкого городского общества.

Рис. 1. Полоцк. Вид на Николаевский собор и здание Полоцкого кадетского корпуса. Открытка. 1901–1910.
Источник: https://etoretro.ru/pic181465.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=41

Fig. 1. Polotsk. View of Saint Nicholas Cathedral and the building of the Polotsk Cadet Corps. Postcard. 1901–1910.
Source: https://etoretro.ru/pic181465.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=41

¹⁶РГИА. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 1495.

¹⁷Там же. Ф. 799. Оп. 15. Д. 933.

¹⁸РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5373 ; РГИА. Ф. 577. Оп. 4. Д. 977 ; НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 23.

¹⁹Памятная книжка Витебской губернии на 1863 год / сост. С. К. Садовский ; Витеб. губ. стат. ком. Витебск : Тип. губ. правления, [б. г.]. [1], 7, 642, 57 с. ; Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год / ред. А. М. Семеновский ; Витеб. губ. стат. ком. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1865. 519 с. ; Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год / Витеб. губ. стат. ком. Витебск : Тип. губ. правления, 1887. [2], V, 174, [1], 107, 88, XII с. ; Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год / сост. А. М. Семеновский ; Витеб. губ. стат. ком. Витебск : Витеб. губ. тип., 1878. [5], 416 с.

Как отмечает В. П. Викентьев (рис. 2), история военного плаца началась с высочайшего повеления: 1 апреля 1834 г. император Николай I лично утвердил план площади для строевой подготовки кадетов, что, по мнению автора очерка, навсегда закрепило особый статус этой территории²⁰. Этот акт создал важный прецедент: ключевое городское пространство изымалось из ведения местных властей и передавалось военному ведомству на исключительных условиях. Процедура носила административно-закрытый характер, поскольку решение принималось в столице на основе доклада военного начальства в обход мнения городского общества.

Этот административный прецедент получил свое материальное воплощение в инженерных планах и финансовых документах. Так, еще 30 января 1833 г., за два года до открытия корпуса, помощник архитектора Я. Максимов составил подробную смету «на перестройку площади, расположенной в городе около 7 корпусных зданий, необходимой для обучения кадет военной экзерции»²¹. Общая стоимость работ оценивалась в 9133 руб. 97 коп. ассигнациями²². Подобная формулировка задавала тон всему проекту, поскольку речь шла не о строительстве площади с нуля, а о перестройке уже существующей городской территории (рис. 3). В то же время ее новая функция («для обучения кадет») была жестко привязана к конкретному месту («в городе около... корпусных зданий»). Так в документах была закреплена

двойственность статуса площади: территориально она оставалась городским пространством, но переходила под управление военного ведомства.

Рис. 2. Василий Павлович Викентьев (1860 г. – после 1914 г.). Фотография. 1904.

Источник: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Fig. 2. Vasily Pavlovich Vikentiev (1860 – after 1914). Photo. 1904.

Source: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

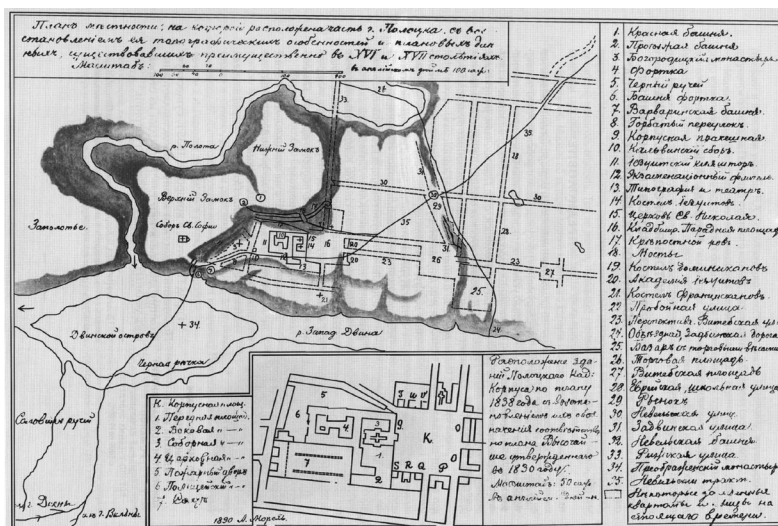

Рис. 3. План местности, на которой расположена часть г. Полоцка, с восстановлением ее топографических особенностей и плановых данных, существовавших преимущественно в XVI и XVII вв. Масштаб 100 саженей в английском дюйме. Автор А. К. Морель. 1890.

Источник: Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. Полоцк : А. И. Судник, 2005. С. 8

Fig. 3. Plan of the area on which part of the city of Polotsk is located, with the restoration of its topographical features and planimetric data that existed mainly in the 16th and 17th centuries. Scale 100 sazhen per English inch. Author A. K. Morel. 1890.

Source: Jesuits in Polotsk, 1580–1820 : in 2 p. P. 1 / comp.: L. F. Danko, A. I. Sudnik. Polotsk : A. I. Sudnik, 2005. P. 8

²⁰Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 285.

²¹НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–4.

²²Там же.

Финансовое и юридическое закрепление анклава продолжилось в 1834–1835 гг. Уже в конце 1834 г. император Николай I санкционировал передачу корпуса из городского ведения двухэтажного каменного дома на той же площади для размещения чиновников, а в 1835 г. на его ремонт было выделено 30 000 руб.²³

В том же 1835 г. военный министр разрешил выделить 2146 руб. 17 коп. на мощение и четкое оформление границ плаца – «перестилку булыжника в кругу корпусных зданий»²⁴. Эти работы превращали площадь в замкнутую функциональную зону.

Таким образом, к осени 1835 г. – моменту открытия учебного заведения – в центре Полоцка на государственные средства был создан специализированный военный объект: плац для строевой подготовки, окруженный корпусными зданиями и служебным домом. В его основу был заложен двойной статус, зафиксированный в смете 1833 г. («площадь в городе... для кадет»). В этой двойственности и содержалось зерно будущего конфликта: для военных это была закрытая зона исключительного контроля, для горожан – жизненно важное публичное пространство.

Сформировавшаяся таким образом конфликтная модель отношений, основанная на прецеденте волевого изъятия публичного пространства, нашла свое продолжение и в религиозной сфере. Еще в мае 1834 г., до открытия корпуса, строительной комиссии было поручено переустроить здание бывшего иезуитского костела Святого Стефана в православный Николаевский собор (рис. 4). По проекту архитектора А. Порто на это из казны выделялось 153 528 руб. ассигнациями, а на устройство в соборе двух приделов – 26 063 руб. 82 коп. дополнительно²⁵. В 1838 г. по предложению обер-прокурора Синода графа Н. А. Протасова этот вновь созданный православный храм был передан в ведение Полоцкого кадетского корпуса²⁶. Эта передача имела огромное символическое значение, поскольку укрепляла положение военно-учебного заведения как одного из ключевых оплотов православия в городе (что проявлялось в регулярном участии кадетов в крестных ходах и в том, что корпусное духовенство фактически выполняло функции городского). Однако профессиональный ландшафт города был иным.

Рис. 4. Полоцк. Николаевский собор (бывший иезуитский костел Святого Стефана) и фасад Полоцкого кадетского корпуса (бывший иезуитский коллегиум и академия).

Источник: *Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. Полоцк : А. И. Судник, 2005. С. 16*

Fig. 4. Polotsk. Saint Nicholas Cathedral (the former Jesuit Church of Saint Stephen) and the facade of the Polotsk Cadet Corps (the former Jesuit Collegium and Academy).

Source: *Jesuits in Polotsk, 1580–1820 : in 2 p. P. 1 / comp.: L. F. Danko, A. I. Sudnik. Polotsk : A. I. Sudnik, 2005. P. 16*

²³НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9131. Л. 4, 5, 25, 35–35 об., 110–110 об.

²⁴Там же. Л. 35–35 об., 110–110 об.

²⁵Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 49.

²⁶РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 410. Л. 1–2 ; Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 116, 124.

В 1844 г. та же логика предредила исход первой документально зафиксированной коллизии – на этот раз вокруг смежного участка земли (1203 квадратные сажени) на территории Верхнего замка. Речь шла

о бывшем иезуитском ботаническом саде (рис. 5), который по высочайшему повелению с 1 января 1845 г. был передан корпусу в бессрочное содержание за чисто символическую плату в 12 руб. 3 коп. в год²⁷.

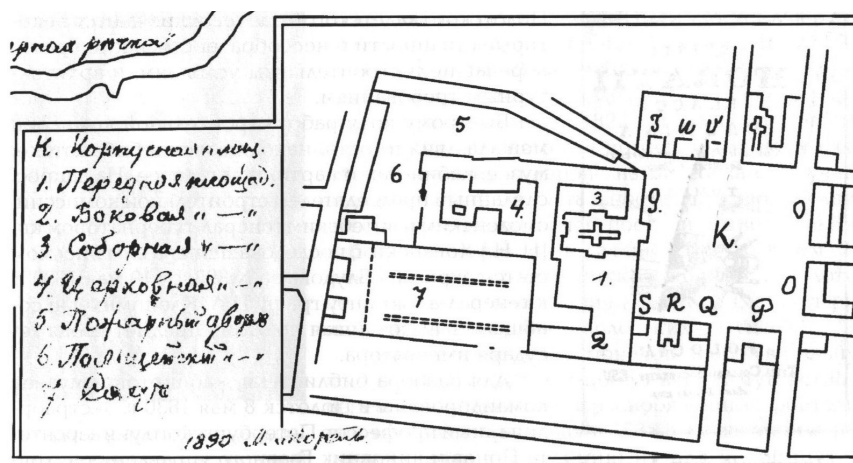

Рис. 5. Расположение зданий Полоцкого кадетского корпуса по плану 1838 г. с восстановлением их обозначения соответственно высочайше утвержденному в 1830 г. плану. Масштаб 50 сажень в английском дюйме. Автор А. К. Морель. 1890. Источник: Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. Полоцк : А. И. Судник, 2005. С. 22

Fig. 5. The location of the buildings of the Polotsk Cadet Corps according to the 1838 plan with their designations restored to the plan approved by the Emperor in 1830. Scale 50 sazhen per English inch. Author A. K. Morel. 1890. Source: Jesuits in Polotsk, 1580–1820 : in 2 p. P. 1 / comp.: L. F. Danko, A. I. Sudnik. Polotsk : A. I. Sudnik, 2005. P. 22

В целом к середине 1840-х гг. в центре Полоцка сложился не просто «высочайший плац», а многофункциональный государственно-церковный анклав. Верховная власть санкционировала права Полоцкого кадетского корпуса на ключевые городские ресурсы – территорию (площадь, здания, смежные участки) и главный православный храм, сделав это в обход мнения городского общества. Завершающим аккордом данного процесса стало возведение на плацу в 1850 г. монумента в память о событиях 1812 г.²⁸, превратившего эту территорию в сакральное пространство имперской памяти. Существование этого анклава и стало источником перманентного конфликта. Он был запрограммирован в чертежах и сметах еще до того, как на плац ступила нога первого кадета.

Эрозия военного контроля и рождение «городского бульвара» (1860–70-е гг.). Период Великих реформ не обошел стороной и военно-учебные заведения. Так, после преобразования в 1865 г. Полоцкого кадетского корпуса в военную гимназию (1865–1882) внутренний режим в учебном заведении стал менее строгим [5; 6]. Это ослабление дисциплины привело к сокращению строевых занятий

и, как следствие, к утрате жесткого контроля за плацом, что способствовало либерализации режима доступа к нему. С точки зрения В. П. Викентьева, именно это ослабление порядка и привело ко всем дальнейшим затруднениям²⁹.

Однако архивные материалы открывают иную перспективу. То, что автор трактовал как упадок дисциплины, на деле было следствием общих изменений в государственной политике и правовой практике. Ключевым проявлением этих изменений стала официальная проверка законности бесплатного пользования корпусом городской землей, которую инициировали уже не местные, а центральные органы власти.

В 1860–1867 гг. Хозяйственный департамент МВД вел дело «О земле города Полоцка... находящейся в безвозмездном пользовании Полоцкого кадетского корпуса»³⁰. Сам факт такой проверки говорил о многом. Пореформенные государственные институты, в отличие от николаевской администрации, уже не считали прежние решения о передаче земли безусловными и бессрочными. Эта затянувшаяся на 7 лет проверка создавала на местах ощущение неопределенности и де-факто ставила под сомнение

²⁷ Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 166.

²⁸ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 16594. Л. 1–7.

²⁹ Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 285.

³⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 32. Д. 345. Л. 1–27.

исключительные права корпуса. В этой ситуации правового вакуума стало возможным стихийное освоение плаца горожанами, почувствовавшими «слабину» прежних запретов.

Ослабление военного контроля над территорией сопровождалось и утратой учебным заведением его духовной доминанты. Постановлением Военного совета от 22 августа 1873 г. корпусной храм – Николаевский собор – был передан под управление епархиального ведомства³¹.

Эти процессы совпали по времени с началом реализации в белорусских губерниях городской реформы 1870 г. Несмотря на проведение реформы с почти пятилетним опозданием, она создала принципиально новую институциональную среду. В соответствии с городской реформой старые сословные органы управления (магистраты и думы) были заменены новыми учреждениями – бессловными городскими думами (распорядительный орган) и городскими управами (исполнительный орган), которые обладали значительной самостоятельностью в вопросах местного благоустройства, управления хозяйством и финансами. Это обстоятельство создало у новых городских институтов законные основания для борьбы, оспаривания старых порядков и отстаивания своих интересов даже в конфликтах

с государственными ведомствами. В новых условиях стихийное освоение плаца горожанами получило шанс перерасти в организованную правовую и административную борьбу.

Этому процессу способствовала и сама городская среда Полоцка. Он был плотно застроенным, многонациональным городом, где, по данным на 1885 г., 87 % населения составляли мещане³². Свободных общественных пространств здесь практически не было. В такой ситуации огороженный, но плохо охраняемый плац стал для горожан естественным центром притяжения. Здесь гуляли семьи, играли дети, велась мелкая торговля. Кульминацией этого процесса стало официальное разрешение в 1872 г. установить на плацу киоск по продаже минеральных вод – шаг, который В. П. Викентьев впоследствии воспримет как симптом недопустимой «вольницы»³³.

Таким образом, на протяжении более чем десятилетия плац де-факто превратился в неофициальный «городской бульвар» – пространство общей, хотя и неупорядоченной социальной жизни (рис. 6). В сознании горожан и городских властей эта устойчивая практика сформировала новый правовой обычай совместного пользования, который впоследствии, при изменении политического климата, будет яростно оспорен военной администрацией.

Рис. 6. Полоцк. Вид на город с Николаевского собора. Открытка. 1915.
Источник: https://etoretro.ru/pic181243.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=48
Fig. 6. Polotsk. View of the city Saint Nicholas Cathedral. Postcard. 1915.
Source: https://etoretro.ru/pic181243.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=48

Личная война. Суд и дискурс (1884–1886).

В 1880-х гг. конфликт вокруг плаца вступил в острую фазу, приняв форму личного противостояния. Его накал и бескомпромиссность были предопределены столкновением двух непримиримых фигур. В 1878 г. директором Полоцкой военной гимназии был на-

значен генерал-майор артиллерии А. П. Тыртов (1878–1888) (рис. 7), опытный офицер и администратор. Как уроженец Тверской губернии, А. П. Тыртов мало что знал о специфике белорусского края. К тому же последнее десятилетие перед назначением он провел вдали от Полоцка: Александр Петрович

³¹Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 250.

³²Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год... Отд. III. С. 152.

³³Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 285.

служил инспектором классов в Сибирском кадетском корпусе (1862–1869), затем директором учительской семинарии военного ведомства в Москве (1869–1870) и Воронежской военной гимназии (1870–1878)³⁴.

Рис. 7. Александр Петрович Тыртов (1834–1893). Фотография. 1880-е гг.
Источник: Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус : ист. очерк 75-летия его существования. Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1910. С. 264

Fig. 7. Alexander Petrovich Tyrtov (1834–1893). Photo. 1880s.

Source: Vikentiev V. P. Polotsk Cadet Corps : a hist. sketch of its 75 years of existence. Polotsk : Typ. of Kh. V. Klyachko, 1910. P. 264

Генерал А. П. Тыртов был приверженцем старых, николаевских военных порядков. В связи с этим реорганизацию 1882 г., в ходе которой военные гимназии были снова преобразованы в кадетские корпуса, он встретил с одобрением. В Полоцке Александр Петрович энергично взялся за восстановление дисциплины: вернул военную организацию, погоны, строевые занятия и оружие. Первые годы его руководства прошли относительно спокойно. Привыкший действовать в рамках официальных предписаний, А. П. Тыртов поначалу не предпринимал резких шагов. Перелом наступил, когда в ходе новой реорганизации остро встал вопрос о военном плаце. За 17 лет мирного сосуществования военной гимназии с городским обществом роль плаца и его фактический статус кардинально изменились. Для директора учреждения возрождение кадетского корпуса было неполным без возвращения контроля над плацем. Однако теперь на пути стоял не пассивный «город», а организованное городское

самоуправление во главе с принципиальным лидером.

Его противником был конкретный человек, почти на 20 лет старше и с драматическим прошлым, – Н. В. Литвинов (1814 г. – 1890-е гг.), уроженец и землевладелец Витебской губернии. Биография этого отставного подполковника и является ключом к пониманию остроты конфликта. До своего избрания городским головой (1879–1890) Н. В. Литвинов был военным педагогом. Вместе с братом Алексеем Васильевичем он почти всю свою карьеру провел в стенах Полоцкого кадетского корпуса³⁵. С 1859 г. он занимал должность командира 1-й роты, являясь одним из ключевых офицеров-воспитателей³⁶. Его педагогическая деятельность, отмеченная орденами и знаком отличия за 25 лет беспорочной службы, сулила успешное продолжение карьеры³⁷. Однако в 1865 г. служба братьев Литвиновых в корпусе внезапно оборвалась: оба покинули заведение после окончания учебного года.

Непосредственной причиной стал громкий скандал, детально описанный в воспоминаниях Ф. А. Григорьева. Будучи командиром роты, Н. В. Литвинов получил поручение исполнить решение педагогического комитета о наказании воспитанника розгами. Во время экзекуции офицер в азарте многократно превысил положенное число ударов. Когда кадеты подшефной роты потребовали расследования, офицер проявил малодушие и солгал директору о том, что точно выполнил приказ. Эта ложь привела к открытому бунту воспитанников 1-й роты. В знак протеста они отказались отдать честь начальству, а затем забаррикадировались и забросали офицера горбушками хлеба [10, с. 172–174]. Карьера Н. В. Литвинова как военного педагога была безнадежно разрушена. Его уход стал не добровольной отставкой, а вынужденным изгнанием, нанесшим глубокую личную обиду.

Несмотря на крах карьеры, братья Литвиновы не покинули Полоцкий уезд, где находилось их нераздельное имение в д. Яковцово (4280 десятин земли)³⁸. Спустя полтора десятилетия, в мае 1879 г., Н. В. Литвинов триумфально вернулся в центр полоцкой общественной жизни в новом качестве – городского головы. Его энергия нашла применение в гражданской сфере. Он стал инициатором и первым председателем правления (1880–1886) Полоцкого частного банка «Общество взаимного кредита». Банк был создан для поддержки мелкого и среднего бизнеса, в чем была особенно заинтересована городская

³⁴Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 264 ; Список генералам по старшинству: испр. по 1-е янв. [1885 г.]. СПб. : Воен. тип., 1885. С. 387.

³⁵РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5373. Л. 79–82, 91–96.

³⁶НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об.

³⁷РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5373. Л. 91–96.

³⁸Алфавитный поуездный список землевладельцам Витебской губернии кроме крестьян, с показанием их вероисповедания, наименования и пространства принадлежащих им имений // Памят. книжка Витеб. губ. на 1878 г. ... Отд. справочный. С. 344 ; РГИА. Ф. 577. Оп. 4. Д. 977. Л. 1–19.

торговая знать, в том числе еврейская. Таким образом, Н. В. Литвинов радикально сменил социальные связи и идентичность: из офицера-воспитателя, призванного ограждать кадет от «вредного влияния» городской среды, он превратился в гражданско-администратора и финансиста, тесно связанного с интересами этого самого сообщества.

В рапортах А. П. Тыртова фигура Н. В. Литвинова предстает в качестве своеобразного нарушителя корпоративной солидарности, перешедшего на сторону городской думы в ущерб интересам корпуса. Для городского общества отставной подполковник, знавший психологию оппонента изнутри, стал лидером, чья личная обида внесла в конфликт бескомпромиссную принципиальность. Именно это столкновение двух миров в лице их лидеров и придало судебной дискуссии остроту.

Непосредственным поводом для эскалации конфликта стала попытка директора кадетского корпуса ввести регламент доступа к плацу. С этой просьбой А. П. Тыртов обратился к городскому полицмейстеру, статскому советнику А. П. Радзеевскому, который 22 октября 1884 г. такое распоряжение издал³⁹. В своем обращении генерал изложил мотивы, которые вскоре легли в основу его главных обвинений в адрес городского общества. А. П. Тыртов писал, что необходимо «охранить воспитанников от эксцессов»⁴⁰. По его словам, едва кадеты выходили на плац, еврейские торговки стекались туда «со всех сторон» как «пиявки», предлагая товар «главным образом в долг»⁴¹.

Однако изданное полицмейстером распоряжение было проигнорировано и быстро исчезло с улиц. Впоследствии А. П. Тыртов с горечью констатировал: «Объявление полоцкого полицмейстера... не привело ни к чему: расклеенное по городу... оно... продержалось не более недели... еврейские мальчишки и даже взрослые безнаказанно не только не исполняли распоряжения... но срывали самое объявление... и в настоящее время от распоряжения этого не осталось и воспоминаний»⁴². Этот случай показал полную неэффективность полицейских мер.

Потерпев неудачу, А. П. Тыртов обратился в городскую управу, отвечавшую за благоустройство. Но и здесь его ждал отказ. Городская управа во главе с Н. В. Литвиновым отказалась признать регламент. Этот двойной провал – полицейский и администра-

тивный – перевел конфликт в перманентную фазу и сделал его переход в судебную плоскость неизбежным. Тем не менее публичная и болезненная эскалация противостояния произошла позже.

Переломным моментом, превратившим административную «тяжбу» в личную войну, стал 50-летний юбилей Полоцкого кадетского корпуса, широко отмечавшийся летом 1885 г. Торжества, на которые съехались многочисленные высокопоставленные гости⁴³, вскрыли контраст между высоким официальным статусом учебного заведения и его реальным положением. Вид плаца, используемого в качестве общедоступного рынка и места стихийных гуляний, мог восприниматься как прямое унижение корпоративной чести.

Именно этот публичный позор и подтолкнул А. П. Тыртова к решительному наступлению с целью любой ценой вернуть исключительный контроль над площадью. Его новая попытка – просьба к городской управе об устройстве решетчатой ограды – не увенчалась успехом. В своем отзыве от 18 февраля 1886 г. Полоцкая городская управа отказала генералу, предложив взамен восстановить невысокий барьер, существовавший до 1881 г.⁴⁴

Исчерпав все административные средства на местном уровне, А. П. Тыртов предпринял следующий шаг: 6 марта 1886 г. он направил в Главное управление военно-учебных заведений развернутый рапорт. Этот документ представлял собой продуманную систему аргументов, выходящую за рамки обычной жалобы и призванную оправдать исключительные меры⁴⁵.

В рапорте А. П. Тыртов прежде всего отверг компромиссный вариант, предложенный городской управой. Он считал эту меру не просто недостаточной, но и абсурдной. По его словам, «таковой барьер не охраняет плац не только от людей, но и от животных: коров, свиней и др., свободно с весны расхаживающих по улицам города»⁴⁶ (рис. 8). Тем самым генерал не просто отказывался, а дискредитировал логику городского самоуправления, переводя спор из плоскости благоустройства в плоскость общественной безопасности.

Его собственный вывод был однозначен: «...а потому плац безусловно должен быть огражден довольно высоким решетчатым забором, дабы... никто посторонний на плац не допускался»⁴⁷. Отвергнув

³⁹НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–6 об.

⁴⁰Использованный А. П. Тыртовым архаичный медицинский термин «эксцесс» (греч. *exō* – снаружи и *logos* – учение) означал наружное, знахарское лечение. В данном контексте он служил для стигматизации мелкой торговли как источника физической и нравственной заразы, персонифицированной в образе торговки-еврейки.

⁴¹НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

⁴²Там же. Л. 15.

⁴³Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 274–283.

⁴⁴НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 13–13 об.

⁴⁵Там же. Л. 13–15 об.

⁴⁶Там же. Л. 14.

⁴⁷Там же.

городской «барьер», он настаивал на военном «заборе», который в восприятии горожан стал зримым воплощением присутствия корпуса и его обособленности. Чтобы обосновать эту жесткую меру, генерал последовательно конструировал в рапорте 4 взаимосвязанных образа угрозы, каждый из которых подкреплял конкретными наблюдениями. Эти надуманные угрозы должны были показать, что плац находится в состоянии осады и требует тотальной изоляции.

Рис. 8. Николаевский собор
и памятник событиям войны 1812 г.
Вид со стороны Витебской улицы. Открытка. 1903.
Источник: коллекция автора
Fig. 8. Saint Nicholas Cathedral
and the monument to the events of the war of 1812.
View from Vitebskaya Street. Postcard. 1903.
Source: author's collection

Во-первых, он создавал образ нравственной опасности, представляя торговцев-евреев как совратителей. Обобщая предыдущие жалобы, А. П. Тыртов прямо заявлял: «Ограждение плаца решетчатым забором есть мера единственная для ограждения воспитанников корпуса от развращающего влияния еврейских факторов, торговцев и торговек»⁴⁸. Использование слова «факторы» (деловые агенты, посредники) расширяло обвинение, рисуя картину

организованной системы совращения, а не просто стихийной торговли.

Во-вторых, А. П. Тыртов обосновывал санитарно-бытовую угрозу, доказывая, что у кадетов попросту нет иного места для занятий и прогулок. Он детально описывал непригодность других территорий: «...полицейский двор... на нем живет около 80 семейных служителей, имеется два служительских отхожих места... и две помойные ямы»; в корпусном саде «...очень сыро... рядом с ним... находится служительское отхожее место с помойной ямой... через весь сад... проходит деревянная подземная сточная труба с выгребом и колодцами»⁴⁹. Таким образом, для кадет остается только плац.

В-третьих, генерал формулировал идеологическую угрозу, увязывая отсутствие ограды с невозможностью исполнить высочайшее повеление от 13 января 1851 г. об обязанности блюсти сохранность памятника 1812 г. Тем самым бытовая антисанитария превращалась в акт осквернения символа воинской славы: «С наступлением теплого времени на плац... перекачывают целые таборы еврейских семейств... мне приходилось быть личным свидетелем, как еврейские дети отправляли естественные свои надобности на откосе памятника»⁵⁰.

В-четвертых, кульминацией его аргументации становилось конструирование угрозы демографического захвата города. А. П. Тыртов переводил спор в принципиально иную плоскость, используя статистику и риторику социального переворота. Ссылаясь на естественный прирост евреев в Полоцке (3,8 % против 1,6 % в среднем по губернии), он утверждал, что национальный баланс в городе стремительно меняется: «Еврейское [население]... за последние 10–15 лет сделалось неузнаваемо». Этот процесс, по его мнению, уже привел к радикальному изменению статуса евреев: «...став ныне в Полоцке из класса приниженного классом господствующим»⁵¹. Для наглядности генерал приводил конкретные цифры: из 12 200 жителей Полоцка якобы «более 9000 считается евреев»⁵² (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала). Этим маневром локальный спор о порядке пользования площадью превращался в этнодемографический конфликт, который представлялся как утрата «русским обществом» своего доминирующего положения в городе.

Итоговое требование, вытекавшее из этой четырехуровневой конструкции, было радикальным и отвечало образу осажденной крепости: возведение высокой решетки и допуск горожан только по билетам⁵³, что означало полное прекращение свободного доступа.

⁴⁸ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Л. 14 об.

⁵⁰ Там же. Л. 14–14 об.

⁵¹ Там же. Л. 14 об.–15.

⁵² Там же. Л. 15.

⁵³ Там же.

Однако эта убедительная картина рушится при проверке фактов. Сопоставление цифр, приведенных А. П. Тыртовым, с официальным источником – изданием «Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год» – обнаруживает системные расхождения, позволяющие говорить о сознательной манипуляции генерала. Согласно официальным данным за 1885 г. общая численность населения Полоцка составляла 19 134 человека (не 12 200), а доля иудеев – 51,3 % (не 73,0–75,0 %) ⁵⁴. Общий естественный прирост населения города был минимальным (56 человек), что опровергало миф о «демографическом взрыве» ⁵⁵. Утверждение о евреях как господствующем классе также не соответствовало реальности, поскольку 87,0 % населения Полоцка составляли мещане, а власть (администрация, полиция, городское самоуправление) принадлежала дворянству и чиновничеству (7,3 % населения) ⁵⁶.

Таким образом, рапорт А. П. Тыртова является риторическим конструктом, а его данные – инструментом манипуляции. Их цель состояла в создании мифа об осажденной крепости, чтобы представить жесткие меры (полное ограждение плаца и систему пропусков) как необходимую оборонительную реакцию на внешнюю угрозу. В целом тезис о еврейском господстве, транслировавшийся в рапортах директора корпуса, отражал скорее субъективное восприятие городской среды, чем реальное соотношение сил. Для военного ведомства количественное преобладание еврейского населения усложняло контроль над территорией, прилегающей к корпусу.

Пока рапорт А. П. Тыртова рассматривался в Санкт-Петербурге, городское самоуправление во главе с Н. В. Литвиновым сделало свой решающий ход: оно перевело спор в правовое поле. Уже в феврале 1886 г. Полоцкая городская управа официально оспорила права корпуса на площадь. 20 июня 1886 г. мировой суд, рассмотрев дело, вынес решение в пользу городского самоуправления, временно ограничив доступ кадет к плацу ⁵⁷. Эта победа стала значимым прецедентом, демонстрирующим потенциал местного самоуправления в пореформенной правовой системе. Для ее закрепления Полоцкая городская дума 20 ноября 1886 г. приняла собственное обязательное постановление, в котором регламентировала порядок пользования «городской площадью и бульваром». Тем самым она официально утвердила свою терминологию и трактовку статуса спорной территории ⁵⁸.

Тактической победой города завершилась фаза 1884–1886 гг. Городская управа во главе с Н. В. Литвиновым, чья личная мотивация подпитывалась памятью о прошлом унижении, не только выиграла суд, но и дискурсивно обесценила основные аргументы оппонента. Однако это была победа на местном уровне. Окончательная судьба площади теперь решалась в столичных инстанциях, куда администрация корпуса подала апелляцию, а рапорт А. П. Тыртова лег на стол высшему начальству. В нем, обобщая «безустанную борьбу», генерал прямо ставил перед Главным управлением военно-учебных заведений ключевой вопрос о том, «кому принадлежит корпусная площадь: корпусу или городу?» ⁵⁹. Этим он не просто жаловался, а инициировал официальную проверку правовых основ всего конфликта, переводя его на уровень высшей бюрократической экспертизы.

Таким образом, к концу 1886 г. конфликт застыл в парадоксальном состоянии. С одной стороны, городское самоуправление одержало победу в местном суде. С другой стороны, военное ведомство, опираясь на рапорт А. П. Тыртова, запустило в Санкт-Петербурге механизм пересмотра самих основ спора.

Бюрократическая пауза и высочайшая воля (1887–1904). С 1887 г. противостояние окончательно переместилось в канцелярии Санкт-Петербурга. Начиналась новая, затяжная фаза – ведомственная «тяжба». Решающими факторами теперь были уже не местные суды и эмоции публичной борьбы, а административный ресурс, лоббистские связи и воля имперской бюрократии.

Используя ведомственные связи, администрация корпуса инициировала апелляцию в высшей судебной инстанции – Первом департаменте Сената. Однако рассмотрение в нем дела в 1887 г. ⁶⁰ не принесло военному ведомству желаемого быстрого решения. Дело погрузилось в длительную стадию межведомственной переписки и лоббистской работы.

Впрочем, начало этой фазы ознаменовал драматический личный финал одного из главных антагонистов. Поражение в суде и общая напряженность борьбы, по всей видимости, серьезно подорвали здоровье директора корпуса А. П. Тыртова. Находясь в глубоко подавленном состоянии, 30 июля 1888 г. он составил свой прощальный приказ. Объявляя об отставке по болезни, генерал с горечью отмечал: «Скажу по совести, я прибыл к вам здоровым, крепким и бодрым – ухожу теперь от вас больным и расстроенным физически; но, быть может, тем и дорог

⁵⁴Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год... Отд. III. С. 158.

⁵⁵Там же. С. 173.

⁵⁶Там же. С. 152–173.

⁵⁷НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 17–31.

⁵⁸Там же. Л. 22.

⁵⁹Там же. Л. 15 об.

⁶⁰РГИА. Ф. 1341. Оп. 154. Д. 1047. Л. 1–15.

мне корпус, что положил я в него и душу свою, и здоровье свое»⁶¹. Хотя конфликт прямо не упоминался, современники связывали это заявление с изматывающей борьбой за плац. Отставка А. П. Тыртова, ставшая следствием этой борьбы, символически завершила период открытой лично окрашенной конфронтации.

На протяжении 1890-х – начала 1900-х гг. вопрос о полоцком плаце периодически поднимался в Министерстве юстиции (1901)⁶² и Хозяйственном департаменте МВД (1904)⁶³. Эта многолетняя бюрократическая пауза свидетельствовала о сложности вопроса: формальные права кадетского корпуса, основанные на старых высочайших повелениях, сталкивались со сложившейся городской практикой и прецедентом судебного решения 1886 г. Конфликт потерял свою локальную остроту, превратившись в один из многих «нерешаемых» земельных споров в правовой системе Российской империи.

Чтобы окончательно разрешить конфликт, потребовалось выйти за рамки судебной системы и обратиться непосредственно к верховной власти. После многолетнего лоббирования последовал именной указ императора Николая II от 22 ноября 1904 г., поставивший точку в споре. Указ констатировал: «Для надобностей Полоцкого кадетского корпуса оказалось необходимым занять... прилегающие к корпусу плац и бульвар мерою около 2165,34 квадратных сажень»⁶⁴ – и предписывал их отчуждение с выплатой компенсации городскому самоуправлению и немедленное занятие участков после составления описей.

Этим актом за военным ведомством окончательно закреплялось право собственности на плац. Если для В. П. Викентьева указ был закономерным восстановлением порядка, то в действительности он стал демонстрацией верховной власти, отменившей решение, выработанное на местном уровне. Император, действуя в рамках своих законных полномочий, поддержал позицию военного ведомства в ущерб интересам городского самоуправления. Однако, будучи сугубо административным и навязанным сверху, это решение игнорировало реальные социальные процессы и потому оказалось крайне хрупким.

Политизация и итоговое урегулирование (1905–1908). С началом революции 1905–1907 гг. конфликт, лишь на бумаге урегулированный указом 1904 г., вспыхнул с новой силой, перейдя в плоскость открытого политического противостояния.

В течение 1905 г. плац неоднократно стихийно занимали участники митингов (в основном еврей-

ская молодежь), которых В. П. Викентьев характеризовал как «манифестантов-евреев». В итоге площадь превратилась в импровизированную трибуну для политических выступлений, что полностью парализовало ее специальную функцию для Полоцкого кадетского корпуса. Наибольший накал страстей наблюдался после издания Манифеста 17 октября 1905 г. В ответ на массовую демонстрацию горожан с красными флагами «русское население» Полоцка, по свидетельству В. П. Викентьева, организовало контрманифестацию. По просьбе участников контрманифестации директор корпуса генерал-майор А. Н. Ваулин (1905–1908) распорядился вывести кадет на плац. Эта акция была тщательно срежиссирована как символ верности престолу. Толпа приветствовала воспитанников криками «ура!». Под звуки оркестра и перед портретом императора кадеты прошли по плацу церемониальным маршем. Однако директор не позволил им выйти за пределы площади. Он справедливо опасался столкновений и применения оружия против революционной демонстрации. Его опасения подтвердились: после расстрела демонстрантов в городе наступило относительное затишье⁶⁵.

Таким образом, в 1905 г. плац окончательно утратил прежнее, сугубо практическое служебное значение. Из объекта административно-хозяйственного спора он превратился в главный символ революционного противостояния и политическую арену города. Фактический контроль над этим пространством и возможность проводить на его территории свои ритуалы (митинг или монархический марш) стали прямым индикатором расстановки сил в Полоцке.

После стабилизации политической обстановки к 1907 г. плац, казалось, вернулся к своей изначальной, служебной функции: он использовался для строевых занятий и маневров⁶⁶. Однако теперь это возвращение было закреплено новой, уже неоспоримой реальностью – высокой оградой. Именно в таком, отгороженном и полностью подконтрольном, виде его в апреле 1907 г. наблюдал во время визита в Полоцк главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович (рис. 9). Его дневниковая запись красноречиво фиксирует точку зрения руководства военного ведомства на исход конфликта: «Перед выступлением корпус выстроился на плацу (теперь возвращенном корпусу и обнесенном железной решеткой), с музыкой на правом фланге...» [3, с. 60].

⁶¹Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 287.

⁶²РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. Д. 8650. Л. 1–22.

⁶³Там же. Ф. 1287. Оп. 28. Д. 555. Л. 1–2.

⁶⁴Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 286.

⁶⁵Там же. С. 351–352.

⁶⁶Там же. С. 356.

Рис. 9. Константин Константинович (Романов) (1858–1915). Портрет работы О. Э. Браза. Масло. 1912. Государственный музей-заповедник «Павловск». Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_\(1912,_Pavlovsk\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_(1912,_Pavlovsk).jpg)

Fig. 9. Konstantin Konstantinovich (Romanov) (1858–1915). Portrait by O. E. Braz. Oil. 1912. State museum «Pavlovsk».

Source: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_\(1912,_Pavlovsk\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_(1912,_Pavlovsk).jpg)

Для великого князя, как и для всего ведомства, многолетний спор был уже разрешен: плац был «возвращен», физически отгорожен решеткой (рис. 10) и функционировал как неотъемлемая часть корпусной инфраструктуры. Таким образом, благодаря личному свидетельству главного начальника можно констатировать, что к 1907 г. фактический контроль над пространством окончательно перешел к корпусу, что и открыло путь для его скорого правового оформления.

Согласно документам РГИА в 1908 г. конфликт получил свое окончательное юридическое и административное завершение, которое носило комплексный характер. Во-первых, Особое присутствие при Государственном совете установило размер финансовой компенсации городу Полоцку за землю, отчуждаемую в пользу военного ведомства, подведя тем самым окончательную черту под многолетним спором⁶⁷. Во-вторых, глубокое символическое значение имело и другое действие: Хозяйственное управление при Синоде завершило процедуру возвращения Николаевского собора в ведение Полоцкого кадетского корпуса (после 1873 г.)⁶⁸. Этот акт восстановления духовного контроля над храмом наряду с уже решенным земельным вопросом знаменовал полное воссоздание корпусного анклава в его изначальном, николаевском виде.

Рис. 10. Полоцк. Памятник войны 1812 г. на площади около Николаевского собора. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1912.

Источник: <https://www.loc.gov/pictures/collection/prok/item/2018680044/>
Fig. 10. Polotsk. War of 1812 memorial on the square near Saint Nicholas Cathedral. Photo by S. M. Prokudin-Gorsky. 1912.

Source: <https://www.loc.gov/pictures/collection/prok/item/2018680044/>

⁶⁷РГИА. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 1495. Л. 1–12.

⁶⁸Там же. Ф. 799. Оп. 15. Д. 933. Л. 1–2.

Таким образом, к 1908 г. верховная власть подвела окончательную черту под конфликтом, восстановив статус-кво 1830-х гг. в его ключевых составляющих – территориальной, финансовой и конфессиональной. Однако эта тотальная победа военного ведомства над интересами городского общества стала возможна исключительно благодаря

административному ресурсу и принципу единоначалия, унаследованным от предшествующего периода царствования. В силу этого она не разрешила фундаментального противоречия между двумя моделями использования пространства, а лишь загнала его вглубь административным решением.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать конфликт вокруг полоцкого плаца в качестве показательного примера сложного взаимодействия между военно-учебным заведением и местным обществом, развернувшегося на всех уровнях власти. На его материале можно сделать ряд выводов, углубляющих понимание механизмов управления, природы социальных конфликтов и трансформации публичного пространства в Российской империи.

Во-первых, конфликт имел четкую стадийность и многоуровневую динамику, что отражало эволюцию самой имперской системы. Это противостояние было не изолированным эпизодом, а длительным, многофазным процессом, вовлекшим разные инстанции – от местного суда до центральных (МВД, Министерство юстиции) и высших (Сенат, Синод, Государственный совет) органов власти. Хронология конфликта служит точным индикатором изменений в государственном управлении: от монаршего диктата и принятия личностных решений при Николае I через фазу правовых экспериментов и локальных успехов самоуправления (1860–80-е гг.) к бюрократической волоките и силовому верховному арбитражу на рубеже XIX–XX вв. Победа городского самоуправления в 1886 г. стала апогеем правовой фазы, но последующий пересмотр дела в столичных инстанциях и указ 1904 г. обозначили ее пределы. Политический кризис 1905 г. втянул локальный спор в общероссийскую революцию, превратив плац в ключевой символ борьбы за контроль над городским пространством.

Во-вторых, институциональное противостояние было глубоко персонализировано, что и придало конфликту особую остроту. Личности ключевых участников стали катализатором эскалации противостояния. Генерал А. П. Тыртов, представитель военно-бюрократической элиты, видел свою миссию в восстановлении «порядка» и престижа корпуса, что в его понимании было тождественно укреплению «русского начала». Борьба А. П. Тыртова, завершившаяся неудачей и отставкой, подчеркивает глубину этой вовлеченности. Отставной подполковник Н. В. Литвинов со своей стороны представлял иную траекторию: болезненный переход из военной корпорации в сферу местного самоуправления. Личная обида и новая гражданская идентичность сделали

его принципиальным осведомленным противником. Противостояние этих фигур было не только служебным, но и глубоко психологическим.

В-третьих, конфликт имел ярко выраженное дискурсивное измерение, где каждая сторона искала моральное и правовое обоснование для своих действий. Рапорт А. П. Тыртова 1886 г. служит классическим примером риторики тревоги, конструирующей образ враждебного «другого» через моральную панику, санитарные и демографические угрозы, подкрепленные манипулятивной статистикой. Этот созданный образ осажденной крепости оправдывал исключительные меры изоляции. В ответ городская управа во главе с Н. В. Литвиновым апеллировала к правовым и хозяйственным аргументам. Однако в условиях самодержавной системы рациональный дискурс местных властей в конечном счете уступал административной воле центра.

В-четвертых, в основе спора лежало фундаментальное противоречие в понимании публичного пространства. Этот конфликт был столкновением двух несовместимых моделей: для корпуса плац являлся закрытой военной зоной, местом дисциплины и субординации, для большинства горожан – жизненно важным публичным пространством для отдыха, общения и торговли. Таким образом, борьба шла не только за право собственности, но и за саму возможность определять смысл и режим использования центра города.

В-пятых, история полоцкого плаца представляет собой концентрированную модель ключевых противоречий имперской России. В этом локальном казусе, как в фокусе, отразились фундаментальные проблемы государства рубежа XIX–XX вв.: сложная интеграция национальных окраин, конфликт центра и местного самоуправления, столкновение административного порядка с повседневной жизнью города. Исследование подобных малых историй наглядно показывает, как общеимперские противоречия – противоречия между традиционными устоями и модернизацией, между ведомственным и общественным началами – преломлялись на уровне конкретного города. Тем самым микроисторический подход открывает возможность для более глубокого понимания природы кризисных явлений, нараставших в империи в начале XX в.

Библиографические ссылки

1. Шайкоў В, Лукашэвіч А. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1999;4:45–51.
2. Самович АЛ. *Кадетские корпуса России (конец 19 – первая четверть 20 вв.)*. Москва: [б. и.]; 1998. 83 с.
3. Поляков СИ. *Полоцкий кадетский корпус: история в лицах*. Полоцк: Полоцкое книжное издательство; 2010. 71 с. (Наследие Полоцкой земли; выпуск 12). Совместно с издательством «Спасо-Евфросиниевский монастырь в г. Полоцке».
4. Филипенко ВС, Глазырин ЕВ, Соловьёв АА. *Коллегиум, академия, университет: вехи истории и традиции Полоцкой alma mater*. Дук ДВ, редактор. Витебск: Витебский областной центр маркетинга; 2013. 80 с.
5. Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус в контексте военных реформ 1860–1870-х гг. «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. 2023;7(часть 1):201–212. EDN: EUDVCX.
6. Лукашевич АМ. Эволюция кадрового состава служащих Полоцкой военной гимназии в 1865–1882 гг. (по материалам Национального исторического архива Беларуси). В: Голубеў ВФ, рэдактар. *Архіварыус. Выпуск 21*. Мінск: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі; 2023. с. 108–123.
7. Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус в годы Первой мировой войны (1914–1918). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;2:17–32. EDN: NANBHY.
8. Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус во время Гражданской войны (1917–1920 гг.). *Труды БГТУ. Серия 6, История, философия*. 2024;2:27–34. EDN: BCNEYO.
9. Fairclough N. *Critical discourse analysis: the critical study of language*. London: Routledge; 2010. 608 p. DOI: 10.4324/9781315834368.
10. Григорьев ФА. Дед – внукам. *Военно-исторический архив*. 2005;10:169–178.
11. Морель АК. История города Полоцка и возникновение здания Полоцкого кадетского корпуса. В: Данько ЛФ, Судник АИ, составители. *Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. Часть 1*. Полоцк: А. И. Судник; 2005. с. 7–28 (Наследие Полоцкой земли; выпуск 2).

Получена 26.01.2026 / исправлена 28.02.2026 / принята 23.03.2026.
Received 26.01.2026 / revised 28.02.2026 / accepted 23.03.2026.